

Китайское влияние на традиционную культуру бурят

МАРИНА ВЛАДИСЛАВОВНА ФЕДОРОВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Ведущий научный сотрудник Отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока
e-mail: fedorovarme@mail.ru

В статье рассматривается роль Байкальского региона в российско-китайских политических и торгово-экономических отношениях конца XVII – начала XX в., исследуются этнокультурные контакты бурят с соседними народами. Автор изучает китайское влияние на различные сферы жизни бурятского этноса, выявляет роль и степень его воздействия на бурятский костюм, украшения, орнаментику, ремесленные традиции, обряды жизненного цикла, буддизм и шаманскую практику. В качестве основных источников использованы вещевые и фотоколлекции Российского этнографического музея, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Государственного музея Востока, Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, научные публикации, полевые материалы автора.

Ключевые слова: этнокультурные контакты, торгово-экономические отношения, китайское влияние, костюм, орнамент, обряды.

UDC 391/392+327(581:512.31)+069.5

Chinese Influence on the Traditional Culture of the Buryats

MARINA V. FEDOROVA

Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg
Leading Researcher of the Department of Ethnography of the Peoples of Siberia and the Far East
e-mail: fedorovarme@mail.ru

The article considers the role of the Baikal region in the Russian-Chinese political and trade & economic relations in the late XVII – early XX century, and investigates Buryat ethno-cultural contacts with neighboring peoples. The author explores the Chinese influence on various spheres of life of the Buryat ethnos, reveals the role and degree of its impact on the Buryat costume, jewelry, ornamentation, handicraft traditions, life cycle rituals, Buddhism and shamanic practice. As the main sources, the author has used the object and photographic collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera), The State Museum of Oriental Art, the M.N. Khangalov Museum of History of Buryatia, scientific publications, as well as her own field materials.

Keywords: ethno-cultural contacts, trade-economic relations, Chinese influence, costume, ornament, rituals.

Этническая история и культура бурят – монголоязычного народа, населяющего Байкальский регион, складывались под воздействием цивилизаций Центральной и Восточной Азии с одной стороны, и Российской империи – с другой. В процессе взаимовлияния культур и формирования этнических традиций важнейшее значение имели межэтнические коммуникации, в частности, обменные и торговые, при которых определяющую роль играл геополитический фактор.

Прилегающие к Байкалу земли и населяющие их народы в силу своего географического положения издавна являлись объектом внимания соседних стран – Монголии, России и Китая, влияние которых на культуру региона на разных исторических этапах было неравнозначным. В истории формирования бурятского этноса выделяются две основные вехи: эпоха развитого средневековья, при которой основополагающую роль в судьбах населения Евразии играли мон-

⁷² Кормина Ж.В. Религиозность русской провинции: к вопросу функции сельских святынь // Сны Богородицы. Исследования по религии. – СПб., 2006. – С. 147.

⁷³ Самойлова Е.В. Группы обетных крестов Белого моря: прогностические и темпоральные аспекты обрядовых практик в с. Шуерцкое Беломорского района Республики Карелия // Традиционная культура – 1997 – №2 – С. 23–37.

⁷⁴ ПМА, АФЭЦ ОАФ: 0401. Республика Карелия, Беломорский район, с. Нюхча, инф.: Попова А.И., 1940 г.р., 2010.

⁷⁵ Леви К. Теория поля в социальных науках. – СПб., 2000. – С. 39.

⁷⁶ Там же. – С. 42.

⁷⁷ Там же. – С. 32.

⁷⁸ Ильин В.И. Потребление в социокультурном поле // Хрестоматия к курсу лекций «Социология потребления».

Дистанционный курс. Электронный ресурс: <http://www.consumers.narod.ru>. Режим доступа: 09.07.2013.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Барт Р. Введение // Этнические группы... – С. 16.

⁸¹ Ильин В.И. Потребление в социокультурном поле...

⁸² Лосев А.Ф. Хаос // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1992. – Т. 2. – С. 579.

⁸³ Там же. – С. 581.

⁸⁴ Samoylova E. Way from Stability to Chaos? A Traditional Doll in the Context of Transformations of Modern Society: from a Rural Community to a Megalopolis Area // Incoherence Disorder, Normativity, Anthropology. American Ethnological Society. Spring meeting, March 31 – April 2, 2016. Washington, D.C. / Abstract Long Exposure. Washington, 2016. – Pp. 55, 56.

голы и империя Чингисхана, и эпоха нового и новейшего времени, когда на историческую арену выходят Российское государство и Цинский Китай, кардинально изменившие весь ход развития коренных народов Байкальского региона. Как отмечает Л.Р. Павлинская, «включение Сибири в состав молодого русского государства не просто вывело ее народы на следующий виток истории <...>, но и впервые непосредственно вовлекло их в единое культурное пространство Евразии, способствуя более активному участию сибирских этносов в жизни мировой цивилизации»¹. Географическое положение Забайкалья, находящегося на юго-восточных рубежах Российской империи, и близость к границе Маньчжурского государства обусловили его исключительно важную роль в российско-китайских политических и торгово-экономических отношениях, что стало важным фактором в становлении многих компонентов культуры бурятского этноса.

Формируясь в условиях взаимодействия с другими народами, буряты, тем не менее, сохранили национальную самобытность и яркое своеобразие культуры, которые проявлялись в скотоводческом образе жизни, обычаях, традициях, духовных ценностях, мировоззренческих идеалах.

Теме контактов и взаимовлияний (в историческом, материальном, социальном и духовном аспектах) Китая, Монголии, Тибета и культуры бурят, населяющих южносибирскую периферию Российской империи, посвящен ряд монголоведческих работ², которые, однако, не исчерпывают все аспекты данной проблематики. Китайское влияние на традиционную культуру бурят до сих пор не было предметом специального изучения, вместе с тем эта тема исключительно актуальна и перспективна для научного исследования, опирающегося на целый комплекс различных источников, в том числе музейные собрания памятников материальной культуры. Целью данной работы является исследование китайских элементов, которые наслоились на мощный пласт уже сложившейся бурятской традиционной культуры. В статье выявляется и рассматривается китайское влияние на различные сферы жизни бурятского этноса, дается анализ роли китайского фактора в формировании бурятского костюма, украшений, орнаментики, ремесленных традиций, а также исследуется степень его воздействия на бытовые традиции, обряды жизненного цикла, религиозную практику. Для раскрытия этой темы необходимо проследить историю этнокультурных контактов, торговых отношений и коммуникаций в данном регионе, а также

связанные с ними сложные геополитические процессы.

В Байкальском регионе, где протекал этногенез предков бурят, с древнейших времен существовали различные этнические объединения, вступавшие в контакты с автохтонным населением – тунгусоязычными, самодийскими, палеоазиатскими и ираноязычными племенами. В эпоху бронзы территория Забайкалья представляла собой арену активных взаимодействий древних кочевых племен. Начиная с III в. до н.э. население Байкальского региона было вовлечено в бурные исторические события, происходившие в степях Центральной Азии. Предки бурят последовательно входили в состав центрально-азиатских государств – сюнну, сяньби и жуэнь, а в древнетюрский период находились в зависимости от курыкан – мощного тюркоязычного союза трех племен, от которых унаследовали искусство обработки железных руд и кузнечного ремесла.

В X в. в Предбайкалье началось распространение монголоязычных кочевых племен, которые, ассимилировав и объединив вокруг себя различные этнические группы, образовали основное ядро бурятского этноса. С XIII в. территория расселения предков бурят входила в состав монгольских государственных объединений, а само население находилось в даннической зависимости от монголов и платило дань пушниной и металлом (территория Южной Сибири является одним из древнейших очагов добычи и выплавки металла, а также металлообработки). Находясь на периферии монгольского мира, предки бурят, тем не менее, состояли в тесных межэтнических и культурных контактах с монголами, оказавшими мощнейшее влияние на их язык и культуру.

С появлением в 1618 г. на исторической арене сильного Маньчжурского государства активизировалась политика новой цинской династии в отношении Монголии. Маньчжурская экспансия на монгольские земли происходила одновременно с продвижением русских в Восточную Сибирь. С середины XVII в. Байкальский регион оказался в зоне столкновения геополитических и экономических интересов двух крупнейших держав Евразии нового времени – России и Цинского Китая, что во многом определило характер и особенности развития этнической ситуации в регионе и оказало значительное влияние на культуру бурят.

С середины XVII в. в Южной Сибири стала возводиться сеть острогов, охватившая обширные территории от Нерчи до Тункинской долины, позволившая русской администрации взять под свой контроль большую часть этого

региона. Стремление русских обосноваться в Забайкалье, через которое в тот период проходил самый близкий путь в Китай, было обусловлено также исключительной заинтересованностью России в налаживании с Маньчжурской империей торговых и культурных связей. Остроги являлись опорными пунктами, дававшими защиту торговым караванам, и одновременно становились торговыми центрами. С 1680 г. первые русские торговые караваны начали проходить через Удинский острог (позднее город Верхнеудинск, ныне город Улан-Удэ – столица Бурятии), а после подписанием послом России Федором Алексеевичем Головиным в 1689 г. Нерчинского трактата об установлении свободной торговли между Россией и Китаем началась приграничная торговля с Китаем. В 1689–1706 гг. главным торговым центром между Россией и Цинской империей был Нерчинск, позже – Селенгинск и Кяхта.

Изначально на торговлю с Китаем российской администрацией была установлена государственная монополия. С 1693 по 1762 г. Россия отправляла в Цинскую империю только казенные торговые караваны численностью не более 200 человек, которые организовывались один раз в три года из Москвы в Пекин и обратно, их продвижение только в одну сторону занимало год.

Казенные караваны способствовали установлению постоянных торговых и политических контактов между правительствами России и Китая, однако государственная монополия на торговлю с Китаем, просуществовавшая более 60 лет, оказалась неэффективной и приносила убытки. Вследствие этого в 1714 г. было принято решение разрешить частную торговлю с Маньчжурской империей. Купцы начинают торговлю в Урге.

Подписание в 1727 г. Буринского трактата, а затем Кяхтинского договора о русско-китайской границе явилось решающим фактором в формировании и консолидации бурятского этноса. В этих же документах были официально закреплены условия торговли России и Китая, после чего в Забайкалье у границы с северной Монголией был построен Троицкосавский острог. Вскоре рядом с ним на берегу реки Кяхты, где проходил кратчайший путь на Пекин, образовались русская торговая слобода Кяхта и китайское торговое поселение Маймачен («Монгольская Кяхта»), где начался частный торг между русскими и китайскими купцами³.

Первыми жителями Маймачена-Кяхтинского стали китайцы, переселившиеся сюда из Урги. Во второй половине XVIII в. в нем насчитывалось до 200 дворов с постоянным, только муж-

ским, населением в 400–500 человек, которое состояло большей частью из китайских купцов и наемных работников, обслуживавших торговлю. Китайские торговцы в Маймачене делились на крупных, которые вели торговлю компаниями (*фузами*), и мелких, торговавших в розницу разнообразными предметами обихода и съестными припасами. Главенствующую роль в русско-китайской торговле с русской стороны играло купечество европейской части России, на долю сибирских купцов приходилось меньше половины объема торговли. Купленные русские товары китайские торговцы отправляли в Ургу и Калган, куда приезжали купцы из Пекина и других китайских городов для их оптовой закупки, а также развозили по разным провинциям Китая.

В 1762 г. из-за неэффективности государственной монополии на торговлю с Китаем Екатерина II запретила посылать в Цинскую империю казенные караваны и провозгласила полную свободу торговли в Кяхте для купцов, что стало поворотным моментом в российско-китайских торговых отношениях, способствующим их активному развитию. Во второй половине XVIII в. через Кяхтинскую торговую слободу проходило 67% товарооборота России с азиатскими странами, а к середине следующего столетия Кяхта становится главным центром российско-китайской торговли. Она приобрела и мировую известность: отсюда китайские товары проникали не только в города Сибири и европейской части России, но и в страны Ближнего Востока и в Западную Европу. Верхнеудинск становится торговым центром всего Западного Забайкалья, одним из основных пунктов оптовой торговли товарами из Китая, выполнявшим роль главного перевалочного и товарораспределительного центра. Здесь взимались торговые пошлины, контролировалась вся торговля с Маньчжурской империей.

Основными товарами, вывозимыми через Кяхту в Китай, были крупный рогатый скот и лошади, юфть и другие кожи, выделанные овечьи шкуры (мерлушка и овчина), мануфактура, галантерея, трикотаж, сукно, пенька, бакалея, тюменские ковры, томская крупчатка, мед, масло, мороженая рыба (стерлядь, сиг, нельма), стеариновые свечи, мыло, железные изделия, скобяной товар, листовое железо, медь, краска, зеркала, а также пшеница, которая поставлялась для приграничного китайского населения.

После отмены в 1762 г. государственной монополии на экспорт мехов основой кяхтинской торговли стала пушнина (мех бобра, выдры, лисицы, песца, белки), на долю которой в конце XVIII – начале XIX в. приходилось более 70%

всего российского экспорта в Китай. Она поставлялась из Якутии и Камчатки и приобреталась русскими купцами на Туруханской и Енисейской ярмарках. Кяхта стала центром продажи и иностранной пушнины, прибывающей из Норвегии, Канады, Соединенных Штатов Америки. В дальнейшем доля экспорта пушнины снижалась, но она по-прежнему значительно превосходила объемы торговли другими товарами, оставаясь вплоть до середины XIX в. основной статьей российского экспорта в Китай.

Главными товарами, ввозимыми из Китая в Россию, были золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни, дорогие шелковые и хлопчатобумажные ткани, фарфор, продовольствие и другие товары. До XIX в. на долю импорта тканей приходилось 2/3 всех ввозимых товаров, однако к середине XIX в. он уменьшился в шесть раз, и Россия сама начала экспортировать шерстяные и хлопчатобумажные ткани в Китай, которые стали составлять до 50% российского экспорта.

С конца XVIII в. Китай становится крупным мировым поставщиком чая, и китайское купечество было заинтересовано в русском рынке сбыта этого товара. В России чай сначала потреблялся лишь местным населением Сибири, но постепенно он приобрел большую популярность повсеместно и стал одним из важнейших товаров российско-китайской торговли. В середине XIX в. на долю чая приходилось около 95% стоимости всего российского импорта из Китая. Значение его было настолько велико, что торговый путь через Кяхту получил название «Великий чайный путь», а Кяхту стали именовать «русской столицей чая». Чайный путь действовал более 200 лет и оказал огромное влияние на социально-экономическое и культурное развитие России, Монголии и Китая. С последней четверти XIX в., после строительства Суэцкого канала, когда большая часть импорта из Китая стала перевозиться морским путем, что удешевило доставку чая в Европу, кяхтинская торговля стала терять свое первоначальное значение. В связи с прокладкой в 1903 г. Китайско-Восточной железной дороги Кяхта утратила ведущую роль в торговле с Китаем и стала центром русской торговли с Внешней Монголией.

Выход Байкальского региона в XIX в. на общенациональный российский рынок, приграничная торговля с Китаем и Монголией способствовали развитию многих отраслей экономики Сибири: пушного промысла, скотоводства, земледелия, золотодобывающей, кожевенной промышленности, ремесленного производства, извозно-транспортного дела и др. Высокими

темпами стала развиваться сибирская торговля, началось активное формирование внутреннего рынка и сибирского купеческого сословия.

С середины XIX в. китайцы проникают на территорию Забайкалья, где занимаются мелкой торговлей, кустарным промыслом, работают на золотых приисках, тесно контактируя с местным населением, что приводит к расширению межэтнических связей и влияет на формирование ремесленных традиций бурят. Центрами широкого товарообмена, культурных и межэтнических контактов на всей территории Байкальского региона становятся торговые ярмарки, наиболее известными из которых были Кяхтинская, Верхнеудинская, Нерчинская, Иркутская, Чертуниинская, Онинская, Иргенская, Агинская. В торговле активную роль играло бурятское купечество. Так, например, в 1899 г. в Агинском ведомстве насчитывалось 26 лавок, из которых 17 принадлежало бурятским торговцам, имевшим связи с Монголией и Китаем. Они ездили в Пекин, Долоннор и Ургу, где обменивали крупный рогатый скот, лошадей, верблюдов, меха и кожи на китайские шелковые ткани и другие товары⁴. Таким образом, бурятское население Забайкалья с Цинской империей связывал устойчивый потребительский спрос местного рынка на китайские товары, особенно ткани, предметы роскоши, чай и табак.

Между тем китайское влияние на культуру бурят простиралось значительно шире, чем потребление товаров китайского производства. Активные торгово-экономические и этнокультурные контакты с китайским населением оказали довольно существенное воздействие на многие сферы жизни бурятского этноса.

Музейные собрания, письменные этнографические источники, археологические материалы позволяют выявить целый круг объектов, материалов, техник изготовления и декора, социальных традиций, обрядовых практик, которые у бурят являются либо прямыми заимствованиями из китайской культуры, либо возникают под их влиянием. Перечень их достаточно велик: ткани и нити (шелк, парча, хлопчатобумажная ткань); ювелирные изделия (украшения и аксессуары костюма); традиция табакокурения и связанные с ней предметы (трубки, кисеты, огнива и др.), чай и традиции его употребления, чайная утварь; особенности кроя и декора отдельных элементов костюма; орнаментальные мотивы и стилистические особенности различных элементов материальной культуры; атрибуты буддийского и шаманского культа; синкретические культы и практики. Рассмотрим подробнее бытование этих элементов у бурят.

Ткани и нити

Традиционно для изготовления одежды буряты, как и другие скотоводы-кочевники, использовали шкуры и кожи домашнего скота и диких животных. Этнокультурные контакты и торговые связи с Китаем привели к существенному изменению внешнего облика костюмных комплексов бурят. С XVIII в. для шитья одежды они стали использовать покупные китайские ткани: шелковые, полупелюшковые и хлопчатобумажные. Наиболее престижными и ценными материалами считались китайский шелк и парча, которые шли на изготовление праздничных дорогих костюмов. По одежде, сшитой из этих тканей, можно было судить о достатке человека и его социальном положении. Для повседневного костюма и одежды бедных слоев населения использовались китайские хлопчатобумажные ткани *далемба*⁵ и *даба*⁶.

У бурят в середине XIX в. различия в одежде и украшениях, маркирующие статус человека в системе социальной и административной иерархии, были закреплены законодательно. Право ношения одежды из шелка и парчи, а также использование в костюме тканей синего цвета являлись привилегией знати. Наиболее престижными, красивыми и дорогими считались халаты из узорчатого китайского шелка *азаа мангал* с вышитыми золотыми нитями изображениями пятипалых драконов, которые в китайской традиции являлись символом императорской власти. У бурят халат с вышитым или вытканым изображением дракона свидетельствовал о высоком происхождении и социальном статусе владельца. Шелк также мог быть расшит узорами в виде цветов, гор, облаков, буддийских символов, а в нижней части подола халата располагалась широкая орнаментальная полоса из характерных радужных полос, напоминающих горные вершины. Для шитья женских халатов использовали китайский шелк с ткаными или вышитыми кругами *саран хээтэй* – лунным орнаментом⁷. Ткани желтого цвета в одежде были прерогативой исключительно лиц духовного звания тибетской школы Гелуг («Благой закон»). Эта традиция восходит к буддизму древней Индии и закреплена в своде правил монашеского поведения – кодексе Винаи. Желтый цвет стал символом возрождения строгих моральных норм раннего буддизма, так как считалось, что в древней Индии буддисты-аскеты носили выгоревшие на солнце и пожелтевшие от старости одежды. Из желтых и малиновых тканей (шелка, сукна) шили элементы костюма лам: юбки, безрукавки, накидки *орхимджи*, головные уборы служителей буддийского культа различных рангов. Из-за цвета головных уборов лам тибетский

буддизм школы Гелуг, который исповедовали и буряты, получил также название «школа желтошапочников» или «желтая вера», в отличие от красношапочных и черношапочных школ.

В конце XIX в., с падением роли кяхтинской торговли, в Предбайкалье получают распространение русские мануфактурные товары – хлопчатобумажные, льняные ткани, шелк, сукно, красная и черная юфта, замша. При этом интенсивно шло внедрение русской городской одежды. В Забайкалье, наряду с тканями русского производства, продолжался активный спрос на китайские ткани, главным образом, шелк и парчу, которые привозили на ярмарки из Пекина, Долоннора, Урги (Улан-Батор).

Существенным изменением в костюме забайкальских бурят стала замена наборных кожаных с накладными серебряными пластинами поясов на тканые пояса. Появление и широкое распространение в XIX в. тканых кушаков, вытеснивших наборные кожаные пояса в культуре забайкальских бурят, по гипотезе Л.Р. Павлинской, возникло в результате влияния маньчжурской традиции⁸. До начала XIX в. забайкальские буряты покупали их у китайских торговцев в Маймачене, а с конца XIX в. такие пояса стали привозить русские купцы и продавать их на ярмарках в Иркутске, Верхнеудинске и других местах. Тканые пояса длиной 7–8 м, шириной 40 см и с бахромой на концах носили, оберывая вокруг талии спереди назад, закладывая концы по бокам. В качестве повседневных использовали кушаки из *далембы*, в качестве праздничных – из шелковых и полупелюшковых тканей. Пояса могли быть любого цвета (в том числе и желтого, обычно использовавшегося только в костюме буддийских монахов), но наибольшее предпочтение отдавалось полосатым тканям. Самым дорогим, редким и поэтому престижным считался кушак из китайского шелка с радужным орнаментом (*янжан*). Второе место отводилось шелковому ручной работы поясу (*дурдам*), затем – шелковому тканому поясу (*утахан*). Бедняки носили простые тканые пояса (*хазаан*). Цвет пояса, вероятно, мог маркировать этнолокальную принадлежность владельца. Так, агинские буряты носили ярко-красные и синие пояса, а в первом десятилетии XX в. широкое распространение получили кушаки из желтого шелка *дурдам*⁹.

Важное значение китайский шелк имел и в обрядовой практике. Широкое распространение у бурят получил пришедший из Монголии и Тибета обычай поднесения *хадаков* – ритуальных шарфов из китайского или монгольского шелка. *Хадак* играл важную роль в буддийских обрядах. Шелковые шарфы, иногда с изображе-

нием буддийских символов, использовали для ритуальных подношений статуям буддийских божеств, ламам, духовным наставникам, подвешивали к буддийским атрибутам, дверям храмов. Подношение *хадака* – неотъемлемый элемент ритуала поклонения буддийским святыням, насчитывающий несколько сотен лет. В буддизме *хадак* символизирует чистоту Пути, олицетворяет одежду Будды и преподносится при особо торжественных религиозных церемониях. В бурятской народной традиции обычай поднесения *хадаков* вышел за пределы храмовой обрядности. Шелковый шарф традиционного синего цвета стал символом чистоты помыслов и бескорыстия дарящего, дружеского и радужного отношения. *Хадаки* подносили гостям, уважаемым людям, ламам и шаманам как знак почтения, благопожелания, приветствия. *Хадаками* обменивались во время свадебных обрядов, при рождении ребенка, по случаю окончания строительства дома, их оставляли на камнях у священных мест (*обоо*), подвешивали к ветвям деревьев как дар духам-хозяевам местности.

Из Китая также экспортировались шелковые нити и шнур, применявшиеся для отделки одежды и головных уборов. В традиционном бурятском костюме одним из характерных и часто используемых элементов украшений являлись шелковые кисти красного, синего, зеленого, черного цветов. Они подвешивались к нагрудным, височно-нагрудным, височным, наплечным, накосным и поясным украшениям.

Кисти из красных шелковых нитей, крепившиеся к верхушке головного убора, носили название *залаа*. По одной из гипотез, основой данного термина является древнетюркское слово *шал* в значении «грива»¹⁰. По сведениям путешественников XVIII в., буряты к верхушкам шапок прикрепляли окрашенный в красный цвет пучок конских волос. На более позднем этапе в бурятских украшениях пучки конских волос были заменены кистями из шелковых нитей. В прическе для имитации волос человека вместо черного конского волоса также стали использовать черные шелковые нити. Традиция ношения искусственных кос была обусловлена представлениями о магической силе волос, связанной с идеей жизненной силы и плодородия. У незамужних девушек и мужчин распространенным накосным украшением были шнуры из черных шелковых нитей, оканчивающиеся кистями, которые вплетали в теменные (а девушки – и в височные) косички для их удлинения. В целях усиления магической силы волос молодые замужние женщины удлинняли и утолщали две косы за счет вплетения в них волос из конского хвоста или шелковых нитей; искусствен-

ные косы крепились к основанию натуральных кос при помощи широких серебряных и медных лент¹¹. Шелковые нити и кисти в костюме и прическе, генетически восходящие к архаичным пластам культуры, заменив конский и человеческий волос, символизировали жизненную силу и плодородие. Однако к началу XX в. шелковые кисти в значительной степени утратили знаковые функции и приобрели, главным образом, декоративное значение.

Китайское влияние прослеживается также в покрое и способе ношения одежды забайкальских бурят. Известный исследователь костюма народов Сибири Н.Ф. Прыткова причисляет их костюм к восточноазиатскому типу, то есть к тому же типу, к которому она относит костюм китайцев и монголов¹². Генетически к китайской традиции относится характерный для бурятского костюма, как мужского, так и женского, правосторонний запах одежды (халатов и шуб). Согласно исследованию С.И. Вайнштейна, манера запаховать одежду направо была заимствована предками монголов от китайцев, возможно через киданей. Как отмечает исследователь, «в кочевом мире манера запаховать халат была важным этническим признаком, по которому монголы в XIII в. отличали себя от тюрок (Запахивающих одежду на левую сторону. – М.Ф.)»¹³. В эпоху средневековья правосторонний запах был воспринят у монголов тувинцами, а также, вероятно, предками бурят и других народов Южной Сибири. К древним восточноазиатским заимствованиям С.И. Вайнштейн относит также покрой халатов типа кимоно, полые (китайские) шаровидные медные пуговицы¹⁴. Кроме опосредованного китайского влияния в бурятском костюме прослеживаются и воспринятые непосредственно из маньчжурской традиции элементы: ступенчатый вырез на левой доле, шелковые пояса, головные уборы с высокой конусообразной стеганой тульей и навершием *дэнзэ* со вставками кораллов и полудрагоценных камней, а также короткие безрукавки с застежками по центру борта, отрезной по талии халат и составная конструкция рукавов (в женском костюме).

Техники металлообработки

В конце XIX – начале XX в. происходило активное развитие межэтнических контактов забайкальских бурят с народами соседних стран, главным образом, Монголии и Китая. На территории Забайкалья работало немало искусных чеканщиков-китайцев и монгольских мастеров, которые, обслуживая местных жителей, выполняли заказы с учетом их вкусов и потребностей, часто почти полностью ассимилируясь в окру-

жающей обстановке. Вместе с тем бурятские мастера перенимали опыт у приезжих мастеров, что способствовало развитию и обогащению технологических приемов и орнаментальных мотивов. Под влиянием буддийской ремесленной традиции в торовке забайкальских бурят появилось литье по восковой модели в глиняные или гипсовые формы, чеканка высокого рельефа из листового серебра и меди, в которой местные мастера достигли высокого совершенства, применяя ее как для изготовления культовых буддийских атрибутов, так и для декорирования утвари, бытовых предметов, конской упряжи и седел, ювелирных украшений, обкладок ножен и ножей, накладных пластин на поясах и огнивах. В серебряных украшениях чеканка часто сочеталась с филигранью, инкрустацией кораллами и самоцветами, иногда с чернью, золочением, гравировкой и эмалью, заимствованной у китайцев.

В результате коммерческих операций с китайскими торговцами в Байкальский регион попадают золотые и серебряные слитки. У забайкальских бурят в производстве ювелирных изделий больше всего ценились привозимые из Китая слитки *ямб* («ханское» серебро) и *лян*¹⁶, использовавшиеся в этой стране в качестве денежного эквивалента – чистое серебро без лигатуры, имевшее светло-матовый блеск и чистое «звучание». Оно обладало хорошей ковкостью и по сравнению с другими видами серебра было легче в обработке. Слитки *ямб* имели форму китайских башмаков и бывали разных размеров, чаще всего весом 50 лян (около 1875 граммов); для мелких платежей могли разрезаться на части. Серебряные слитки, как правило, не использовались в качестве денежного эквивалента, а шли в переплавку для изготовления украшений, аксессуаров костюма, декора парадного конского убранства и др.

Украшения и аксессуары костюма

У бурят помимо автохтонных бытовали украшения и аксессуары костюма китайского производства либо изделия, сделанные по китайским образцам или под их влиянием. Это серьги, браслеты, шаровидные пуговицы, поясные пряжки, к которым крепились различные декоративные и функциональные подвески (щипчики, ухвертки, ногтечистки), а также игольники, ножи, кистеты и др.

Парные пряжки *горье* буряты подвешивали к тканым поясам; они были обычно серебряные или бронзовые, состояли из двух, соединенных шарниром частей, которые предназначались для крепления ножа в ножнах и огнива. Подобные пряжки имели широкое распространение

также у монголов, тувинцев, амурских народов. Л.Р. Павлинская связывает появление таких парных пряжек в мужском костюме бурят с культурой маньчжуров XVI–XVII вв., «в костюме которых присутствовал мягкий кушак»¹⁷.

Обязательными элементами мужского поясного набора являлись нож *хутага* и огниво *хэтэ*, которые чаще всего использовались в паре – справа подвешивался нож в ножнах, слева – огниво. В конце XIX в. они заняли место колчана и налучника, в прошлом составлявших главную принадлежность костюма мужчины-охотника и воина. Утилитарной функцией ножа являлось использование его как орудия защиты, охоты и предмета, необходимого при трапезах мясных блюд. Вместе с тем он наделялся целым спектром семантических значений, связанных с универсальными представлениями о его магических свойствах. Нож символизировал мужское начало (фаллический символ), являясь олицетворением, или вместилищем, души, жизненной силы человека, вместе с тем, как все режущие, колющие, острые предметы он считался оберегом от злых духов. Позднее нож приобрел также декоративную функцию и стал предметом украшения костюма.

Из китайской культуры бурятами были заимствованы включенные в парадный поясной набор ножи с двумя костяными палочками для еды. У забайкальских бурят такие комплекты имели широкое распространение в XIX в. и являлись престижным атрибутом у представителей высокого социального ранга; при этом палочками для еды буряты практически никогда не пользовались.

Согласно утвержденным в 1841 г. правилам «О должностных знаках отличия и одежде начальствующих и почетных людей», у селенгинских и хоринских бурят отличительным знаком социального статуса наряду с материалом верхней одежды был также цвет и материал вставки навершия головного убора *дэнзэ*: камни голубого, белого и красного цветов отличали соответственно костюмы писаря, *зайсана*, родового головы. В конце XIX – начале XX в. наибольшее распространение имели навершия со вставкой из красного коралла, по величине которого судили о степени знатности и богатства владельца; бедняки-простолюдины носили шапки с невысоким навершием с насаженным коротким стержнем. В фондах РЭМ хранится *дэнзэ* с коралловой вставкой, принадлежавшее правнучке последнего Хоринского тайши Рыгземе Дондовой¹⁸, а также *дэнзэ*, изготовленное в середине XIX в. в пос. Агинское, которое переходило по наследству в семье Мягмар Цынгуевны Гомбожаповой (1953 г. р.) и хранилось как

реликвия¹⁹. Бытование у бурят головных уборов с серебряным навершием *дэнзэ* своим происхождением связано с маньчжурской традицией, где тот или иной камень соответствовал определенной чиновничьей степени. Система ранговой иерархии в Китае была четко разработана и строго соблюдалась. Придворные и чиновники на головных уборах имели навершия со вставками (*цзин*), служившие знаками различия: шарик из горного хрусталя, из золота блестящего, из золота гравированного, из коралла гравированного, из серебра, рубина, жемчужин, раковины тридакны.

Отделочные материалы

В декоре одежды, украшений и аксессуаров костюма, а также деталей парадного конского убранства использовались поступавшие из Китая отделочные материалы: полудрагоценные камни, кораллы, раковины каури, перламутр, паста органического происхождения, монеты и другие материалы.

В бурятских украшениях (женских и мужских) одним из наиболее любимых и широко используемых материалов являлся красный коралл *маржаан*. Например, бурятский девичий венец *даруулга* непременно включал в себя крупные кораллы, лазурит, янтарь, а также длинные низки из более мелких кораллов. Кораллы также широко использовались в оформлении женских наконников, серег, височных колец, браслетов, перстней и других украшений.

Семантическая функция кораллов, очевидно, обусловлена, в первую очередь, их цветовой символикой; при отсутствии кораллов, их заменяли красными бусинами из глины, мастики или пластмассы. Красный цвет *улаан* в традиционных представлениях бурят (как и многих других народов) был связан с понятием «жизненность». Как отмечает Г.Р. Галданова, «в таких выражениях как “улаан наран” – “красное солнце”, “улаан гал” – “красный огонь”, “улаан гол” – “красная основа”, т. е. “жизнь”, слово “улаан” не означает в целом цвет, а указывает на присутствии “жизненной субстанции”»²⁰. Многочисленные коралловые низки и вставки кораллов в девичьих и женских украшениях воплощали идеи плодородия, жизненности, творческого начала, имели охранительную функцию.

Выполненные на высоком художественном уровне сложные и изысканные серебряные украшения, декорированные многочисленными вставками и низками кораллов, янтаря, полудрагоценных камней, были доступны только представительницам зажиточных семей. В конце XIX в. общая стоимость украшений женщины могла достигать тысячи рублей²¹, а в 1914 г. венки

даруулга стоил не менее 500 руб., в то время как корова – 20 руб.²². С конца XVIII в. началось паломничество бурят и монголов в Тибет, что способствовало установлению культурных и торговых связей со «Страной Снегов». Многие буряты-паломники, возвращаясь на родину, привозили кораллы высокого качества, которые со времен средневековья поступали в Тибет из Италии. Стоимость одной крупной коралловой бусины *томо шураг*, по разным данным, была эквивалентна стоимости лошади, быка или коровы²³, а по информации, зафиксированной автором в ходе полевых исследований, стоимость одного крупного коралла эквивалентна стоимости 10 голов крупного рогатого скота.

В украшениях бурят использовались также бусины и вставки из полудрагоценных камней (лазурита, малахита, бирюзы, сердолика), а также янтаря. Их знаковые функции были обусловлены цветовой символикой: синий (бирюза, лазурит) символизировал вечность, верность, постоянство, «Вечное Синее Небо»; зеленый – плодородие, рост и неувядание в природе и человеческом обществе; желтый (янтарь) имел солярную символику, красный – жизненность.

Предбайкальские буряты в качестве отделочного материала использовали раковины каури. Их широко применяли в декоре парадного конского убранства, для изготовления шаманских культовых предметов, детских оберегов.

Отдельно следует рассмотреть традицию использования китайских монет в качестве декоративного элемента костюма и украшений бурят. Согласно археологическим данным, этнографическим и письменным материалам, вторичное применение монет у бурят появилось не ранее середины XVIII в. Так, например, Идес, проезжавший в 1692 г. через бурятские земли по пути в Китай, отмечал, что буряты в своих коммерческих операциях с китайскими торговцами совсем не берут серебра в монетах, предпочитая им золото и серебро исключительно в слитках, вероятно, предназначенных для изготовления из них различных украшений²⁴.

Но и на более позднем этапе традиция использования монет в украшениях была распространена, главным образом, в Предбайкалье, где существовали тесные этнокультурные и торговые связи с русским населением и было широкое хождение монет российской чеканки. В Забайкалье монеты в украшениях широко бытовали только в южных районах – у бурят родовой группы цонгол Селенгинского района, хонгодоров и бурят малого племени сартул, расселенных в Джидинском, Закаменском районах, граничащих с Монголией. Здесь использовались не только русские, но и китайские монеты.

Например, в ожерелье девочки (из коллекции РЭМ), бытовавшем у селенгинских бурят, китайская монета, стоимостью 10 вэнь²⁵ подвешена на низку бусин вместе с раковинами каури, кристаллом хрусталя, значком «Воздушный флот – сила России» с летящим орлом²⁶. Очевидно, эта монета с чеканным изображением дракона, наряду с другими подвесками, наделялась охранительной функцией и играла роль оберега.

В медальоне *зуу* китайская монета с чеканным изображением дракона обычно являлась композиционным и семантическим центром украшения²⁷, но могла выступать и в роли подвески. В нагрудном украшении джидинских бурят, хранящемся в РЭМ, китайская серебряная монета в филигранной оправе подвешена к нижнему шарниру коробочки *зуу*²⁸. На данной монете 1914 г. достоинством 2 цзяо (20 центов) изображен Юань Шикай – китайский генерал, политический деятель, первый президент Республики и «император»²⁹. Снизу к ней прикреплена серебряная фигурная пластина, декорированная филигранным орнаментом в виде двух рыбок – буддийский символ, воспринимавшийся в народной традиции как пожелание супружеского счастья и согласия.

Вероятно, монеты, заменяющие в украшениях буддийские знаки или сочетающиеся с ними, наделялись тем же символическим смыслом – в бурятской традиции они означали пожелание благоденствия, удачи, долголетия и вместе с тем выполняли дополнительную семантическую функцию, выступая в качестве солярного знака и оберега.

Кроме непосредственно монет в украшениях некоторые группы забайкальских бурят широко использовали монетовидный узор в виде окружности с ромбической фигурой внутри, представляющий собой стилизацию китайской монеты. Например, в рассмотренном нами нагрудном украшении *зуу* в нижней части пластины расположены три филигранных монетовидных узора; колечки в форме монетовидного знака подвешены к серебряным петлям филигранной пластины.

В китайской традиции монеты с квадратным отверстием в центре являлись широко распространенным и излюбленным символом богатства, процветания и удачи. Круглая форма монеты символизировала Небо, энергию мужского начала *ян*, квадратное отверстие – Землю, энергию женского начала *инь*. Считалось, что соединение энергии Неба и Земли, *ян* и *инь* активизирует удачу, богатство и изобилие, а при использовании человеком таких монет в качестве талисмана реализуется триединство «Небо-Земля-Человек». Знак «монета» – один из

символов «восьми сокровищ», использовавшихся для создания наборов пожеланий удачи. Такое же символическое значение получил и монетовидный знак, который в виде чеканных, гравированных или прорезных окружностей с ромбом внутри часто использовался в декоре украшений. Китайский монетовидный узор получил широкое распространение в художественных традициях народов Центральной Азии, а также проник к бурятам, сохранив свою благопожелательную символику.

Орнаментика

Орнаменты, имеющие восточноазиатское происхождение, были характерны только для забайкальских бурят, в то время как у предбайкальских бурят в орнаментике преобладают геометрические мотивы (южносибирский тип, по классификации С.В. Иванова). Восточноазиатские, в том числе китайские, образы и символы представляют собой составную часть единого орнаментального комплекса, сложившегося у монголов, забайкальских бурят и западных тувинцев в XVII–XVIII вв. и восходящего к позднеочевническому историко-генетическому слою. У забайкальских бурят широкое использование китайской символики прослеживается в культовых атрибутах, бытовых вещах, декоративном оформлении костюма и украшений: височно-нагрудных, наконных, шейно-нагрудных, наплечных, наверший головного убора *дэнзэ*, перстней, браслетов, поясных наборов.

В результате исследования орнаментики забайкальских бурят нами был выявлен следующий комплекс элементов китайской изобразительной символики. Это включенные буддизмом в каноническую систему китайские по происхождению знаки *шоу*, *инь-ян*, благопожелательные иероглифы, лев, тигр, дракон, летучая мышь, бабочка, маска чудовища *таотэ*, соединяющая черты тигра, барана и дракона. Зачастую инкорпорированные в бурятскую художественно-образную систему китайские орнаменты и символы наделялись новой смысловой нагрузкой.

Одним из наиболее распространенных зооморфных мотивов в орнаментике забайкальских бурят является образ дракона (монг., бур. – *луу*), заимствованный бурятскими мастерами из китайской традиции и буддийской художественно-символической системы. В Китае дракон представлял мужское начало *ян*, выступал символом Неба, изменений, энергии и созидания; пятипалый небесный дракон являлся эмблемой императорской власти. В буддизме дракон – транспортное средство многих божеств,

охранитель сокровищ; его образ широко применяется в оформлении атрибутов культа и элементов храмовой архитектуры. Художественное воплощение дракона на украшениях бурят имело значительно более свободные трактовки, чем в китайской и буддийской культурах. Наиболее часто его изображение использовалось в оформлении мужских парадных поясных наборов: на чеканных оправках ножен, огнив, в декоре поясных пряжек и подвесок, так как в народных представлениях мифологический дракон являлся символом мощи и величия.

Мотив дракона также был широко распространен в оформлении чеканных серебряных наверший головных уборов *дэнзэ*; в их композиции он мог сочетаться с буддийскими символами, например, «сосуд» и «две рыбки»³⁰. Согласно О.В. Шаглановой, в бурятской традиции изображения драконов служили отличительным признаком мужских наверший, в то время как для орнамента женских использовались растительные мотивы³¹. Между тем образ дракона не во всех бурятских украшениях являлся исключительно мужским знаком. Изображениями этих мифических существ могли декорироваться женские височные кольца *эмэгэ*³², поясные пряжки *гарьха*³³, наплечные украшения *мурэнэй гуу*, пуговица для пристегивания девичьего кораллового наконечника *сааж*³⁴. Голова дракона, держащего в открытой пасти серебряный стержень ухвертки или ногте-чистки, – характерное оформление туалетных принадлежностей, подвешивающихся на цепочках к фигурным пластинам женского поясного украшения *шэмхуургэ*³⁵. Фигуры дракона часто встречаются в орнаментальных композициях серебряных нагрудных медальонов *гуу*, в которые вкладывались буддийские реликвии и молитвенные тексты. Первоначально *гуу* имели исключительно культовое значение, но к концу XIX в. стали также использоваться как элемент декоративного оформления женского костюма.

В орнаментике украшений широко используется образ льва (бур., монг. – *арсалан*) – популярного и излюбленного мифологического персонажа в изобразительном искусстве бурят, проникшего к ним из Китая и Монголии. Лев занимает одно из главенствующих мест в буддийской мифологии, культовом искусстве и архитектуре народов Центральной и Юго-Восточной Азии. В буддизме он символизирует отвагу, решимость и бесстрашие Будды, олицетворяет могущество и силу, выступает как грозный защитник буддийского учения. Лев и дракон вместе с тигром и мифологической птицей Гарудой входят в группу «Четырех сильнейших Вселенной»; обычно они изображаются

по четырем углам ритуального полотнища «Конь ветров» (монг., бур. – *Хий морин*). У бурят фигуры львов, часто в паре с драконом, чеканились на навершии головного убора *дэнзэ*³⁶ и, вероятно, также являлись мужским маркером. Однако данный зооморфный мотив, так же, как и дракон, широко использовался и в оформлении женских украшений: поясных пряжек и фигурных подвесок, наплечных украшений *мурэнэй гуу*. Образы льва и дракона, олицетворяющих могущество и силу, в орнаментальных композициях женских украшений, очевидно, имели значение оберега.

Характерным украшением центральной пластины огнив, а также медальонов *гуу* была голова скалящегося чудовища *таотэ*, который, по гипотезе Е.А. Баторовой, являлся синкретичным образом «мифического Алха и известной по хуннским курганам из Ноин-Улы тигровой головы»³⁷. В Китае персонаж *таотэ* известен как «чудовище жадности», а в буддийской традиции он выступает под именем Киртимукха и трактуется как лик величия, славы и великолепия³⁸.

Еще один широко распространенный зооморфный мотив в декоре украшений забайкальских бурят – летучая мышь (бур. – *харьхан эрбээхэй*). В китайской традиции летучая мышь (кит. *бяньфу*) – это символ счастья и долголетия, так как второй иероглиф в ее названии – «фу» омонимичен иероглифу, обозначающему счастье. Пять летучих мышей символизируют пять благопожеланий: долгой жизни, здоровья, богатства, добродетели и естественной смерти³⁹. Данный зооморфный орнамент перешел из китайского искусства в бурятскую художественную традицию с сохранением благопожелательной символики. Мотив летучих мышей встречается в оформлении поясных пряжек *горь*⁴⁰, обкладок ножей⁴¹, женских поясных подвесок для крепления туалетных принадлежностей, наиболее часто используется в женских нагрудных и височно-нагрудных украшениях *хиухэ-хонхо*, бытовавших у бурят малого племени сартул родовой группы цонгол⁴². Фигурные пластины височно-нагрудного украшения *хиухэ-хонхо* могли быть выполнены в виде бабочки *эрбээхэй* – благопожелательного символа, заимствованного бурятами из китайской художественно-образной системы⁴³. Этот зооморфный мотив использовался также в декоре других женских украшений, например, серег *хиухэ*⁴⁴, выступая и символом счастья, и женским маркером. Бабочка и летучая мышь могли изображаться в виде схематизированного знака. Согласно информации Р. Бира, вариации иероглифа *шоу* (китайского символа долголетия) имели форму бабочек или

летучих мышей: «Центральная горизонтальная линия этого узора представляет тело бабочки, две вогнутые стороны представляют крылья, а вертикальная ось – узоры на крыльях»⁴⁵. В форме знака *шоу* часто изготавливались подвески женского поясного украшения *шэмхуургэ*⁴⁶, его изображение также могло чеканиться на обкладке ножа⁴⁷. Следует, однако, отметить, что данные, свидетельствующие о том, что в бурятской традиции трактовка этого знака связывалась с зооморфной символикой, отсутствуют.

Одним из наиболее популярных орнаментальных мотивов является изображение двух рыбок (бур. – *сырня*), входящих в буддийской традиции в группу «Восьми благих эмблем». У забайкальских бурят они широко использовались в оформлении как культовых атрибутов, так и бытовых предметов и украшений. Пара золотых рыбок, символизирующая в буддизме «состояние свободы и бесстрашия в плавании в океане *сансарь*»⁴⁸, воспринималась бурятами как пожелание супружеского счастья и согласия. Художественная трактовка данного зооморфного образа имела различные варианты: стилизованные рыбы могли быть повернуты друг к другу или располагаться головой к хвосту; часто они трансформировались в китайский знак *инь-ян* или в три буддийские драгоценности *гурбан эрдэни*⁴⁹. *Инь-ян*, как и китайский знак долголетия *шоу*, широко использовались в буддийском искусстве, при оформлении украшений и бытовых вещей (сундуков и др.). Данные орнаменты, символизирующие благоденствие, счастье, удачу, долголетие, бурятские мастера изображали на предмете, если хотели выразить идею благопожелания.

В бурятской традиции символы восточно-азиатской, в том числе буддийской и китайской художественно-образных систем получили как орнаментальное, так и мировоззренческое переосмысление. Не утрачивая религиозно-философского содержания, они приобрели дополнительную семантику, выполняя защитную и благопожелательную функции, стали восприниматься как маркеры половозрастной, социальной, конфессиональной и этнолокальной принадлежности человека.

Чай

Чай у бурят появился в конце XVI – начале XVII в., его привозили из Китая, выменивая на скот, кожу и меха. Наибольшим спросом пользовался зеленый чай грубого помола, спрессованный в двухкилограммовые кирпичи, так называемый «кирпичный чай». У бурят, как и у других скотоводческих народов Южной Сибири и Центральной Азии, традиции употребления

чая отличались от русских и китайских. Его нарежали по мере необходимости специальными чае-резками, варили в чугунных котлах с солью, молоком, маслом и бараньим жиром. Такой чай не только утолял жажду, но и хорошо согревал в условиях сурового сибирского климата. Обычай обязательно добавлять молоко в чай, чтобы «забелить» его, был связан с представлениями о благопожелательной символике молочных продуктов – «белой» пищи, дарующей счастье и благополучие. Пить чай без молока считалось недопустимым, предзнаменованием беды, скорого обнищания семьи, потери главного богатства – скота⁵⁰. Иногда в чай кроме молока добавляли поджаренную ячменную муку, размельченное и прожаренное вяленое мясо, что резко увеличивало его питательность и энергетическую ценность. С середины XIX в. у городского населения, сначала русского, а затем и бурятского, вошел в употребление привозившийся из Китая черный байховый чай мелкого помола. По бурятской традиции его тоже пили с молоком, но без добавления жира и вяленого мяса⁵¹. Вслед за распространением традиции чаепития обычным предметом обихода у бурят становится фарфоровая и металлическая посуда китайского производства.

Чай с молоком у бурят стал традиционным напитком, значимым элементом этнической культуры. Вплоть до наших дней он является неотъемлемой частью их рациона, обычаев гостеприимства, обрядовой практики.

Табак

Несмотря на отрицательное отношение буддизма к курению, употреблению алкоголя и других наркотических веществ, у бурят табакокурение было широко распространено среди мужчин и женщин старшего возраста. Буряты употребляли также нюхательный табак, который хранили в табакерках как местного производства, так и привозных из Монголии и Китая.

Исследователи, занимавшиеся вопросом появления и распространения в Сибири табакокурения и курительных трубок, выдвигают две основные версии путей их движения к сибирским народам. Согласно первой из них, табак проник в Среднюю Сибирь и Предбайкалье из Китая в начале XVII в. и, пройдя там адаптивный период, приобрел широкую популярность у местного населения⁵². По другой версии, основной путь проникновения табака к сибирским народам шел из России через русских казаков и торговцев⁵³. У бурят, вероятно, распространение табакокурения шло параллельно, как со стороны Китая, так и со стороны России. Между тем китайская версия все-таки является основной,

так как подтверждается многочисленными этнографическими, лингвистическими и археологическими данными⁵⁴.

Табак буряты употребляли нескольких сортов: китайский, черкасский (украинский) и местного происхождения, так называемый сибирский.

Впервые китайский табак появился на иркутском рынке в конце XVII в. Его привозили бухарские купцы, имевшие связи с Китаем и занимавшиеся посреднической торговлей. Как отмечает автор сборника по истории Сибири А. Титов, китайский табак был очень высокого качества и «столь мелкой резки, что по тонкости мог поспорить с человеческим волосом»⁵⁵. Вплоть до XVIII в. в русских таможенных книгах среди товаров, экспортируемых из Китая, табак упоминается очень редко, вероятно, потому, что большая его часть привозилась нелегально.

Буряты употребляли несколько разновидностей китайского табака: темного, светлого и зеленого цветов. По сведениям автора «Истории Сибири», темный имел самый приятный запах и опьянял больше других сортов⁵⁶. В конце XIX в. пожилые мужчины и старики курили привозимый из Китая душистый табак *дэнсэ тамхи*.

Со второй половины XVIII в. в Предбайкалье получил распространение черкасский табак. Он был хуже китайского, и его курили, лишь когда поступление китайского табака на сибирский рынок сокращалось. Черкасский табак смешивали с берестяными опилками или добавляли в китайский табак. Сибирский табак, разведенный впервые в Тобольске, в XVIII в. стал выращиваться и в других районах Сибири, «но он был так плох, что его употребляли только в табачный голод, когда не было ни черкасского, ни китайского»⁵⁷. Согласно археологическим данным, собранным в местах захоронений сибирских шаманов, до проникновения в Сибирь табака в качестве растения, используемого для выкуривания трубки, служила трава *Cannabis sativa*, то есть конопля.

Табак хранили в шелковых или хлопчатобумажных кисетах, украшенных тесьмой и вышивкой; на тонких шелковых шнурах к ним прикрепляли серебряный крючок для чистки отверстия чашечки трубки (*хого*) и серебряный круглый диск (*тоншуур*) для выколачивания пепла.

Курительные трубки у бурят бытовали двух видов. К первому, наиболее распространенному, относятся трубки *ганза* с длинным прямым чубуком и маленькой чашечкой для табака. Они доставлялись из Китая, но в основном изготавливались местными мастерами по китайским образцам. *Ганза* делали из меди или серебра

с дополнением кости, нефрита, китайского сердолика (*суй мана*), кораллов, «пестрой» древесины. Чашечка трубки иногда закрывалась серебряной полусферической крышкой. Ко второму виду относятся заимствованные у русских короткие трубки с изогнутым мундштуком и чубуком, не получившие, однако, у местного населения столь широкого распространения. Табак и курительные трубки у бурят выполняли не только утилитарную функцию, но и имели большое значение в различных обрядах. Обмен табакерками, совместное раскуривание трубок являлись обязательными элементами ритуалов гостеприимства, побратимства, а также сватовства и других обрядов жизненного цикла. Даже если мужчина не употреблял табак, он должен был иметь при себе трубку и кисет с табаком, которыми мог угостить собеседника. Курительные трубки являлись распространенным предметом в бурятских погребениях, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и археологические данные⁵⁸. При захоронении их помещали вместе с покойным в могилу наряду с другими предметами сопроводительного инвентаря, которые по представлениям бурят были необходимы умершему в загробном мире.

Курение табака также применялось в шаманской ритуальной практике для подношения духам дыма от раскуриваемой трубки. Буряты-шаманы оставляли табак вместе с зернами, монетами и другими жертвами на священных местах, посвященных духам-хозяевам местности, подносили его в качестве «угощения» родовым и семейным духам-покровителям.

Шаманизм

Если говорить о шаманизме бурят, то китайское влияние не затронуло его мировоззренческую сущность и развитую ритуально-мифологическую систему, сложившуюся на основе архаичных верований и культов. Китайские элементы прослеживаются только в использовании импортируемых материалов и атрибутов, прежде всего бронзовых зеркал *толи*, поставляемых из Китая, который в конце XIX в. являлся главным центром их производства.

Зеркала *толи* вместе с другими ритуальными принадлежностями бурятский шаман получал во время обряда посвящения. Согласно верованиям бурят, *толи* делались небесными кузнецами (*дархан-тенгриями*) и спускались с неба «как дар светлых божеств». Бронзовые зеркала наделялись сакральными свойствами, могли выступать как самостоятельный объект почитания, являясь, по представлениям шаманов, вместилищем духов-помощников шамана, посредником между мирами вселенной, так

и крепиться к шаманскому костюму, являясь солярным символом и оберегом шамана.

В собрании РЭМ содержится несколько образцов таких зеркал. Рассмотрим три из них, принадлежавших шаманке Бажин рода Цагани Хордуг. Первое *толи* относится к типу китайских зеркал с изображением животных и винограда, датирующихся временем расцвета Тан (конец VII–VIII в. н.э.)⁵⁹. Центральная петля выполнена в виде сидящего льва, вокруг нее среди виноградных побегов расположены шесть львов, символизирующих в древней китайской мифологии «шесть направлений» – *люхэ* (четыре стороны света, зенит и надир). Во внешнем поле орнамента изображены животные и птицы. Второе зеркало с изображениями двух драконов является аналогией китайских зеркал сунского времени (XI–XIII вв.)⁶⁰. Третье *толи* принадлежит к так называемому «типу TLV», датируемому концом периода Западной и началом Восточной Хань (I в. н.э.)⁶¹. Знаки, помещенные в декор зеркала, напоминают лагинские буквы T, L и V; они «связаны с космогоническими представлениями древних китайцев и обозначают страны света, границы четырех частей мироздания и пределы Земли»⁶².

Необходимо отметить, что сложная символика зеркал, отражающая космогонические представления древних китайцев, не была понятна бурятским шаманам. Попав на сибирскую почву, *толи* претерпели значительную трансформацию идей и образов. Так, например, в местной бурятской традиции на китайских зеркалах с изображением знаков 12-летнего животного цикла знак обезьяны часто заменялся изображением звезды, представляющей собой условное изображение созвездия Плеяд, по которым буряты вели свое летоисчисление (образец такого зеркала хранится в фондах РЭМ⁶³). Замена знаков, вероятно, связана с созвучием названий в тюрко-монгольских языках: *бичи*, *бечин*, *мечин* – обезьяна; *мишин* – созвездие Плеяд. Зеркала *толи* являлись универсальным атрибутом, получившим широкое распространение как в сибирском шаманизме, так и в буддийской культовой практике, где использовались как символ иллюзорности чувственного мира.

Другим интересным примером китайского влияния является использование китайских монет в оформлении шаманских бубнов. Например, в экземпляре из собрания РЭМ к перекрестию рукояти бубна прикреплены два кожаных ремня с подвешенными к ним китайскими латунными монетами стоимостью 1 вэнь (Династия Цин, 1644–1912; Период Дао гуан, 1821–1850; Дао гуан тун бао; Приказ финансов и Приказ работ, г. Пекин)⁶⁴.

Одной из важных инноваций в шаманском культе бурят, возникшей под влиянием буддизма, было появление *джочи*, или *сагаан боо* (белых шаманов) – лиц, сочетавших в себе функции шамана и ламы. При совершении ритуальных действий по «черному обряду» они использовали типичные для камлания шамана принадлежности: плетень, зеркало *толи*, бубен, конные трости и др. При обрядах, исполняемых в форме буддийской службы, они пользовались атрибутами, возникшими под влиянием буддизма: музыкальным инструментом *хур*, кинжалом *пурбу*, медными жертвенными чашечками *сугсу*, четками *эрхэ*. В атрибутах *джочи* широко использовались китайские материалы: шелковые ткани и нити, парча, кораллы, полудрагоценные камни, раковины каури, перламутровые пуговицы.

Некоторые из таких образцов представлены в собрании РЭМ. Это принадлежащий «шаманствующему» ламе Тахиру Боролдою медный кинжал *пурбу* с трехгранным лезвием и рукояткой, увенчанной полуваджрой⁶⁵. К кинжалу подвешены девять конусообразных трубочек *холбого*, разноцветные ленточки и шелковые ритуальные шарфы *хадаки*. Кинжал *пурбу* служил *джочи* ритуальным оружием в борьбе с враждебными силами. Другой атрибут представляет собой амулет в виде миниатюрного медного кинжальчика *пурбу*, подвешенного к кожаному ремешку. В ушко *пурбу* продеты две низки коралловых и малахитовых бусин с шелковыми кистями на концах⁶⁶.

Шаманские четки состоят из 97 зерен (плодов) растения, названного собирателем *лунтан*, имеющих вид черных блестящих бусин «величиной с черемуховую ягоду», а также трех малахитовых – одной стеклянной и одной белой коралловой (*сааган шуру*) – бусин⁶⁷. К шнуру, на который нанизаны зерна, подвешены кисти из черных шелковых нитей. В буддийской традиции четки являлись обязательным атрибутом лам, а также широко использовались мирянами для подсчета прочитанных религиозных формул. Материал, цвет и количество зерен четок строго регламентировались канонами. Более всего были распространены буддийские четки из 108, а также из 21, 54, 36, 27 зерен. В отличие от ламских четок, зерна шаманских были несколько крупнее и, как правило, черного цвета. Количество зерен не имело сакрального значения и строго не регламентировалось. Бурятские шаманы использовали четки для ворожбы. Перебирая их зерна, они гадали о смерти, будущем благе или надвигающейся беде, также предсказывали погоду – дождь или засуху.

Костюм мужской. Забайкальская обл.
Середина XIX в. Буряты. РЭМ, колл. № 7197–11
(халат), 8762–19394 (пояс), 418–1 (головной убор),
11143–1/1, 2 (обувь)

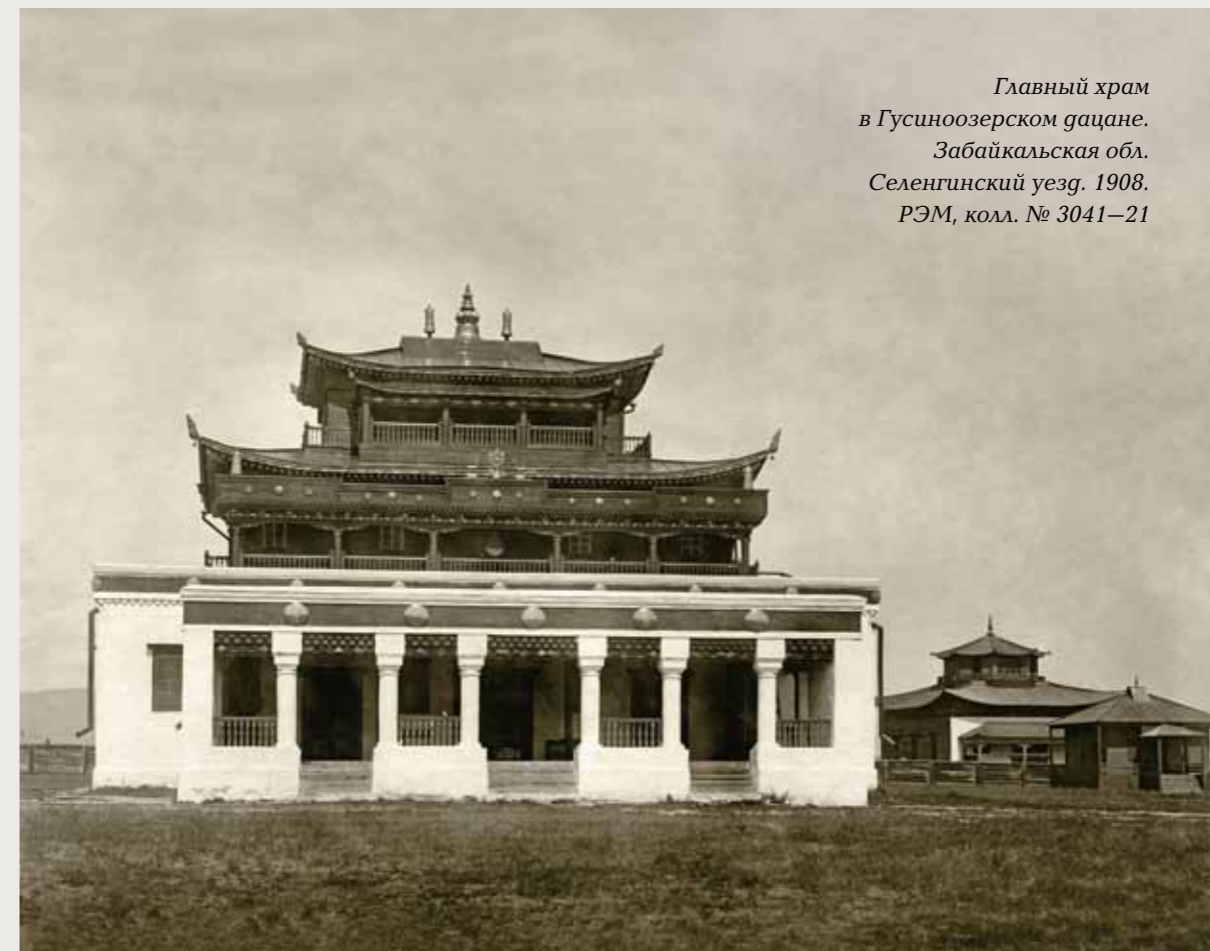
Мужской парадный поясной набор:
нож с палочками для еды в ножнах и огниво
с поясными пряжками. Забайкальская обл.
Конец XIX – начало XX в. Буряты.
РЭМ, колл. № 12614–1/1–5

Дэнзэ – навершие
головного убора.
Забайкальская обл.
Конец XIX –
начало XX в.
Буряты.
РЭМ, колл.
№ 7275–36

Трубки курительные и табакерка. Забайкальская обл.
Конец XIX – начало XX в. Буряты.
РЭМ, колл. № 8761–7563, 8761–7566, 4040–88 а, б

Главный храм
в Гусиноозерском дацане.
Забайкальская обл.
Селенгинский уезд. 1908.
РЭМ, колл. № 3041–21

Гуу – нагрудное украшение.
Республика Бурятия,
Джидинский район. 1940. Буряты.
РЭМ, колл. № 13118–4

Фрагмент нагрудного украшения гуу – серебряная
китайская монета в оправе, достоинством 2 цзяо, 1914.
Республика Бурятия, Джидинский район. 1940. Буряты.
РЭМ, колл. № 13118–4

Домбо – сосуды для чая.
Иркутская губерния и
Забайкальская обл. Конец XIX –
начало XX в. Буряты.
РЭМ, колл. № 4001–35,
8761–11412

В XVIII–XIX вв. у бурят получили распространение *онгоны*⁶⁸ в виде нарисованных на шелковой или хлопчатобумажной ткани антропоморфных изображений божеств и духов. Для их изготовления также использовали материалы, импортируемые из Китая. Так, например, к женским изображениям пришивали миниатюрные сережки и ожерелья из коралловых бусин или красного бисера, наконечники украшения из перламутровых пуговиц; косы обозначались шелковыми нитями. Музейные коллекции свидетельствуют, что такие *онгоны* бытовали как в Забайкалье, так и в Предбайкалье⁶⁹. *Онгоны* хранились в деревянных ящичках или войлочных сумках вместе с подношениями: кусочками кирпичного чая, табаком, сахаром, хлебом, зернами, благовониями.

У забайкальских бурят бытовали также *онгоны*, появившиеся под влиянием буддизма. Так, например, в собрании РЭМ содержится *онгон* «Дабай» из Агинского ведомства Читинского уезда, изображающий девицу Дабай, прозванную за свою образованность учительницей-*бакши*. Он изготовлен в виде тряпичной куклы с перекинутой через левое плечо красной лентой *орхимжи* – знаком духовного обета буддийской послушницы. На шею подвешено ожерелье из раковины каури и двух стеклянных бусин⁷⁰. *Онгон* хранился в восточной «женской» половине жилища и покровительствовал скотоводству.

Буддизм

Одним из важных факторов, повлиявших на формирование мировоззрения, религиозных и культурных традиций забайкальских бурят, стал буддизм школы Гелуг («благый закон»), проникший к ним в XVII в. из Тибета через Монголию. В XIX в. в Забайкалье существовали десятки буддийских монастырей (дацанов), которые выполняли не только религиозную миссию, но и являлись форпостами буддийской цивилизации. При монастырях открывались школы по изучению буддийской философии, индотибетской медицины, тибетского, монгольского и бурятского языков, получило развитие собственное книгопечатание, изготовление культовых атрибутов из металла, выросла местная школа изготовления деревянной полихромной резной буддийской скульптуры и искусства танкописания.

Свою технику и стилистику культовой живописи и объемной пластики бурятские мастера выработали, следуя ремесленным приемам и канонам, усвоенным у китайских и тибетских иконописцев и скульпторов. Бурятские художники осваивали традиции, манеру письма и

технику разных китайских школ иконописи. Например, *танки* (буддийские иконы), написанные под влиянием пекинской школы, «характеризуются тонкими каллиграфическими линиями, излишней витиеватостью, изощренностью и искусной проработкой <...> второстепенных деталей»; особенность *танок*, написанных под влиянием утайской школы, выражается в преобладании мягкого, спокойного, зеленого колорита, с характерным изображением зеленых гор, использованием белого золота⁷¹. С XIX в. для выполнения тонких художественных работ стали использоваться минеральные краски высокого качества, которые привозились из Тибета и Китая⁷².

Китайская художественная культура и мифология оказали влияние на буддийский пантеон, интерпретацию отдельных сюжетных мотивов, элементов и символов в бурятском буддийском искусстве.

Как отмечает исследователь бурятского буддийского искусства А.Ж. Бальжурова, «особое почитание в Китае Будды Амитабхи и вера в учение о его “западном рае Сукхавати” повлияли на популярность данного божества в соседних странах – Тибете, Монголии, позднее и в Бурятии»⁷³. К этому же ряду особо почитаемых буддийских божеств исследователь относит бодхисатву мудрости Манджушри (кит. Кондзе-джалпо). Его святилище, находящееся в Китае на горе Утайшань, в XIX – начале XX в. стало популярным местом паломничества у бурятских лам и верующих. Также под влиянием китайской мифологии в первоначальное классическое число 16 архатов добавляются еще два персонажа⁷⁴.

Китайские традиции прослеживаются в изображениях отдельных локальных божеств. Так, например, у бурят широкое распространение получило изображение популярного местного божества Сагаан Убугэна (Белого старца) в китайской художественной манере, при которой его образ сближался с иконографией китайского божества долголетия Шоу-сина. Такая скульптура Сагаан Убугэна содержится в собрании РЭМ⁷⁵. Она представляет собой старца с высоким выпуклым лбом, лысым черепом и длинной седой бородой, сидящего в гроте под персиковым деревом, в окружении брачных пар оленей и гусей. В левой руке Белый Старец держит посох с навершием в виде головы дракона, к которому подвешено изображение Книги Судеб. Атрибуты Сагаан Убугэна, воспринятые из китайской традиции, являются символами долголетия.

Широкое распространение в бурятском буддийском искусстве получила китайская симво-

лика. На бурятских танках, посвященных «райским землям» будд и бодхисаттв, использовались китайские растительные символы: персиковое дерево, его цветы и плоды, ветви сливы, ивы, каштан, гриб бессмертия *линчжи*, ветка коралла, цветы ириса, тыква-горлянка и др. В поздней бурятской культовой живописи конца XIX – начала XX в. китайская благожелательная символика часто изображалась в виде ритуального подношения божеству. Это облако счастья, яшмовые украшения (*фаншиэн* или *юаньшиэн*), рог носорога или бивни слона, медная монета с квадратным отверстием посередине (*чох*), жезл *жуи*, который преподнесли как знак счастья, благополучия, исполнения всех желаний. Среди животных образов, заимствованных из Китая, наибольшую популярность в бурятской иконографии получили дракон, лев, тигр, пары оленей и журавлей⁷⁶.

В оформлении буддийских атрибутов широко использовались импортируемые из Китая материалы. Скульптуры божеств, алтарные ступы, мандалы и другие ритуальные предметы инкрустировались бирюзой, кораллами, агатом, нефритом, украшались эмалью и позолотой; храмовые штандарты, ленты, балдахины изготавливались из китайского шелка и парчи с вышитыми «благими эмблемами». Помимо культовых атрибутов тибетского и монгольского, а также развивающегося местного производства широкое распространение получили аналогичные китайские товары. В Пекине функционировали мастерские, специализировавшиеся на массовом изготовлении буддийских культовых атрибутов, выполненных в тибетской традиции, для продажи в районах распространения буддизма тибетского толка (в частности, и в самом Тибете).

Китайское влияние прослеживается в бурятском культовом зодчестве. В Бурятию традиции буддийской архитектуры пришли из Тибета и Монголии, на которые в свою очередь значительное влияние оказал китайский стиль. Поэтому у бурят получили развитие строительные принципы, восходящие к традициям как тибетского и монгольского, так и китайского культового зодчества, при этом доминирующими являлись формы культовой архитектуры Китая. Буддийские храмы (дацаны) китайского стиля строились обычно из дерева в несколько ярусов, с галереями и колоннадами, имели богатый яркий полихромный декор. Характерной чертой китайского архитектурного стиля были

крыши с загнутыми вверх углами. Такие крыши, украшенные фигурными элементами в виде языков пламени, в Бурятии стали отличительным признаком культовых буддийских зданий.

На основании рассмотренного и проанализированного материала можно сделать следующие выводы. Взаимные культурные и этнические связи между бурятами и китайцами имели длительную историю, но наибольшую интенсивность они приобретают с развитием российско-китайских политических и торгово-экономических отношений XVIII – начала XX в., когда Байкальский регион оказался в зоне столкновения геополитических интересов Российской империи и Цинского Китая. К этому времени у бурят уже сложилась собственная самобытная культура, цивилизационно и этнически они продолжали сохранять свою самобытность. Ни конфуцианская философия, являющаяся стержнем китайской государственной идеологии, ни даосизм, ни китайская цивилизация в целом глубокого влияния на бурятскую культуру, менталитет и систему мировоззрений не оказали. Включенные в бурятскую этнокультурную традицию заимствованные китайские элементы получили у бурят мировоззренческое переосмысление в соответствии с уже сложившейся системой.

Китайское влияние на бурятскую культуру было не равнозначным в разных районах. В Предбайкалье, где интенсивно шло внедрение русской культуры, оно было в основном фрагментарным и поверхностным, сводилось, главным образом, к использованию шелковых тканей, кораллов, раковин каури, чая, табака и некоторых других товаров, привозимых из Китая на местные ярмарки. К важным элементам общепурятской культуры, воспринятым из Китая, можно отнести традиции чаепития и табакокурения, получившие распространение на всей территории расселения бурят. В Забайкалье влияние китайской культуры пустило более глубокие корни. Оно хотя и не имело решающего значения, однако внедрение отдельных китайских элементов в быт, костюм, ремесленные приемы, образно-символическую систему, обрядовую практику и другие сферы жизни бурят на период конца XIX – начала XX в. приобрело характер устойчивой традиции. На местной почве они наполнялись новым символическим содержанием, которое включалось в общую систему мировоззрения этноса.

Буддийская икона «Будда Амитабха в раю Сукхавати». Китайская работа. Тибето-китайский стиль XIX в. Бытовала у бурят. Забайкальская обл. Конец XIX в. РЭМ, колл. № 8762–19703.

- ¹ Павлинская Л.Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). – СПб.: Европейский дом, 2008. – С. 5.
- ² Павлинская Л.Р. Буряты. – 256 с. илл.; Павлинская Л.Р. Художественный металл бурят XIX – начала XX в. в историко-этнографическом аспекте: Автореферат: Дис... канд. ист. наук. – Л., 1987; Павлинская Л.Р. Художественный металл как источник для изучения этнокультурных контактов // Этнокультурные контакты народов Сибири. – Л., 1984. – С. 99–115; Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). – М.: Наука, 1991. – 300 с.; Бураева О.В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII – начале XX в. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005; Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, СО, 1987. – 173 с.; Кочешков Н.В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX века. – М.: Наука, 1979. – 207 с.; Соктоева И.И. Изобразительное и декоративное искусство Бурятии. – Новосибирск: Наука, СО, 1988. – 160 с.; Турсевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). – М.: Тип. Т. Малинского, 1882. – 304 с.; Бальжурова А.Ж. Бурятская буддийская иконопись конца XVIII – первой четверти XX в. (по материалам фонда Национального музея Республики Бурятия). Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. – Улан-Удэ: ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств», 2014 (на правах рукописи).
- ³ Маймачен (монг. «торговый город») – название нескольких торговых поселений во Внешней Монголии (Китайская империя) в XIX – начале XX в.: Маймачен-Кяхтинский близ русско-китайской границы (рядом с Кяхтой), Маймачен в нескольких километрах к востоку от Урги и Маймачен в Кобдо, рядом с маньчжурской крепостью Сангийнхэрэм).
- ⁴ Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. – С. 39.
- ⁵ Далемба – ткань саржевого переплетения, обычно синего цвета; могла быть не только китайского, но и англо-американского производства, но и этом случае она все равно поступала через китайских посредников.
- ⁶ Даба – производящаяся в Китае хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения типа бязи или холста. Отбеленная или крашенная преимущественно в синий цвет, недорогая даба в прошлом пользовалась популярностью у народов Сибири; малоимущие слои населения шили из нее праздничную одежду.
- ⁷ Бадмаева Р.Д. Бурятский народный костюм... – С. 39.
- ⁸ Павлинская Л.Р. Наборные пояса в культурах Сибири // Украшения народов Сибири. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – Т. II. – С. 322.
- ⁹ Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. – С. 30; Кочешков Н.В. Народное декоративное искусство агинских бурят (по материалам этнографической экспедиции 1973 г.) // СЭ. – 1978. – № 4. – С. 115.
- ¹⁰ Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. – С. 135, 136.
- ¹¹ Линденау Я.П. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Магаданское книжное изд-во. 1983. – С. 140.
- ¹² См.: Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда: Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961. – С. 237–239.
- ¹³ Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – С. 195.
- ¹⁴ Там же. – С. 198.

- ¹⁵ Ямба, или ямба (кит. юань-бао, англ. sycee) – русское название слитков серебра, обращавшихся в Китае до денежной реформы 1933 г. Они бывали разных размеров – чаще всего весом 50 лян (около 1875 г), но имелись также слитки в 5, 10 лян и т.п. Серебро высокопробное (от 934 до 982 частей чистого серебра на 1000 частей сплава). Ямбы имели форму китайских башмаков; они могли разрезаться на части для мелких платежей. Изготовлением и выпуском ямбов занимались частные банкиры и менялы.
- ¹⁶ Лян, таэль – весовая и денежная единица в истории Китая. Как весовая единица лян возник в III в. до н.э.; с V–VI вв. н.э. применялся главным образом при взвешивании серебра и золота. В условиях существования в Китае серебряной валюты (XIV–XIX вв.) лян стал основной денежной единицей, делившейся на 10 мао и 100 фыней. В зависимости от места обращения и целевого назначения различалось 170 видов лян с разным содержанием серебра. С марта 1933 г., после принятия закона об унификации денежной системы, лян был отменен как денежная единица. Применяется в настоящее время в Китае как весовая единица (31,2 г).
- ¹⁷ Павлинская Л. Р. Наборные пояса в культурах Сибири... – С. 322.
- ¹⁸ РЭМ, колл. № 7275–36.
- ¹⁹ РЭМ, колл. № 12459–1.
- ²⁰ Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1987. – С. 16.
- ²¹ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1891. – С. 257.
- ²² Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят... – С. 33.
- ²³ Бадмаева Р.Д. Одежда и украшения баргузинских бурят XIX – начала XX в. // Полевые исследования Института этнографии. 1974. – М.: Наука, 1975. – С. 195; Художественная обработка металла в Бурятии. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство. Бурятский филиал СО АН СССР, 1974. – С. 81; Болсохоева Н.Д. Серебро в тибетской культуре // Белый волосок серебряный до луны дотяни... (Серебро Бурятии) / Под ред. Д.С. Дугарова. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. – С. 40.
- ²⁴ Тумахани А.В. Бурятское народное искусство. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведческих наук. – М.: Академия художеств СССР, 1961. – С. 5.
- ²⁵ Династия Цин (1644–1912). Период Гуансюй (1875–1908). Провинция Чжили (Бэйян). Гуансюйюань бао, 1902–1906. Атрибуция китайской монеты сделана младшим научным сотрудником Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа М.В. Постарнак.
- ²⁶ РЭМ, № 4039–129.
- ²⁷ ГМВ, № 41531 кп.
- ²⁸ РЭМ, № 13118-4.
- ²⁹ Атрибуция китайской монеты сделана младшим научным сотрудником Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа М.В. Постарнак.
- ³⁰ РЭМ, колл. № 7275–36.
- ³¹ Шагланова О.В. Символика женских украшений восточных бурят. Автореф... канд. ист. наук. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. – С. 9.
- ³² ГМВ, колл. № 39601 кп.
- ³³ ГМВ, колл. № 36106 кп, 41526 кп, 41529 кп, 41530 кп, 48975 кп.

³⁴ ГМВ, колл. № 30770 кп; РЭМ, колл. № 1897-30с.

³⁵ РЭМ, колл. № 4041-34abc, ГМВ, колл. № 48989 кп.

³⁶ ГМВ, колл. № 36100 кп, 36126 кп.

³⁷ Баторова Е.А. Бурятский орнамент XVIII–XX веков. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2007. – С. 30, 108.

³⁸ Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / Пер. с англ. Л. Бубенковой. – М.: Ориенталия. 2011. – С. 73.

³⁹ Там же. – С. 392.

⁴⁰ РЭМ, колл. № 1224–1, 2.

⁴¹ ГМВ, колл. № 37875/1-3 кп.

⁴² МИБ, колл. № ДПИ д/м-709.

⁴³ ГМВ, колл. № 34137 кп.

⁴⁴ ГМВ, колл. № 32363/1,2 кп.

⁴⁵ Бир Р. Энциклопедия тибетских символов... – С. 391.

⁴⁶ ГМВ, колл. № 39595 кп, 41516 кп, 41518 кп, 41519 кп, 41524 кп.

⁴⁷ ГМВ, колл. № 37918 кп.

⁴⁸ Буддийская коллекция Государственного музея истории религии / Авт.-сост. О.С. Хижняк; отв. ред. Д.А. Дрон. – СПб.: Издательско-полиграфический центр СПб. ГУТД, 2008. – С. 57.

⁴⁹ МИБ, колл. № ДПИ д/м-51.

⁵⁰ Галданова Г.Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. 1992. – С. 173.

⁵¹ Жуковская Н.Л. Пицца и кулинарные традиции // Буряты / Отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука. 2004. – С. 173.

⁵² Харинский А.В. О появлении курительных трубок и табака в Прибайкалье // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 1995. – С. 210–213.

⁵³ Шаповалов А.В. Табак в западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. – С. 3.

⁵⁴ Мятлева Е.Ю., Дашибалов Б.Б. Китайское влияние в культуре бурят XVII–XIX вв. (на примере курительных

трубок ганза) // Вестник Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. – № 8. – С. 186–191.

⁵⁵ Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и принадлежащих к ней землях. – М., 1890. – С. 187.

⁵⁶ Там же. – С. 188.

⁵⁷ Турсевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем. – М., 1882. – С. 104.

⁵⁸ Мятлева Е.Ю., Дашибалов Б.Б. Китайское влияние в культуре бурят... – С. 186–191.

⁵⁹ РЭМ, № 403–119.

⁶⁰ РЭМ, № 403–120.

⁶¹ РЭМ, № 403–121.

⁶² Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). – М.: Наука, 1975. – С. 12, 25, 26, 69.

⁶³ РЭМ, № 783–51.

⁶⁴ РЭМ, № 1286–49; Атрибуция китайской монеты сделана младшим научным сотрудником Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа М.В. Постарнак.

⁶⁵ РЭМ, № 783–24.

⁶⁶ РЭМ, № 783–25.

⁶⁷ РЭМ, № 783–52.

⁶⁸ *Онгоном* буряты называли не только изображение духа, которое являлось его вместилищем, но также самого духа, души предков.

⁶⁹ РЭМ, № 783–68/3 а, 36, 71 аб, 72 аб, 1165–3 аб, 4 аб, 5 аб, 6 аб, 7 аб, 1275–26 а–д, 27 а–г, 28 а, б, 1286–28 а, б, 29 а, б, в, 1635–45 а, б, с, 61 а, б, с, 77 а, 6827–92 а, б, в.

⁷⁰ РЭМ, № 783–59.

⁷¹ Бальжурова А.Ж. Бурятская буддийская иконопись... – С. 35.

⁷² Бадмаев А.А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1997. – С. 78.

⁷³ Там же. – С. 27.

⁷⁴ Там же. – С. 28, 29.

⁷⁵ РЭМ, колл. № 12472-30/1-3.

⁷⁶ Бадмаев А.А. Ремесла агинских бурят... С. 32, 33.

МУЗЕЙНЫЕ ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

УДК 39:94(479.25)+069.5

Выставка «Мир армянской традиционной культуры» в Российском этнографическом музее

ЛУСИНЭ СТЕФАНОВНА ГУШЧАН

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Старший научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана

E-mail: medievist1425@yandex.ru

В статье излагается концепция и тематико-экспозиционная структура выставочного проекта «Мир армянской традиционной культуры», созданного на основе коллекций Российского этнографического музея; уделено внимание истории комплектования армянских фондов РЭМ, начиная с 1902 г. Подчеркнута особенность собрания музея, заключающаяся в том, что его коллекции представляют широкий ареал армянской культуры. Многие из представленных на выставке предметов – ковры, одежда, украшения, оружие – являются уникальными и демонстрировались впервые.

Ключевые слова: выставка, армянская культура, собиратели, традиционные ремесла, костюм.

UDC 39:94(479.25)+069.5

“The World of Armenian Traditional Culture” Exhibition in the Russian Ethnographic Museum

LUSINE S. GUSHCHIAN

Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia

Senior researcher, Department of Ethnography of the Peoples of the Caucasus, Middle Asia and Kazakhstan

E-mail: medievist1425@yahoo.com

The article characterizes the concept and the thematic and expositional structure of the exhibition project “The World of Armenian traditional culture” created on the basis of the rich collections of the Russian Museum of Ethnography; attention is paid to the history of acquisition of the Armenian funds of REM, starting with 1902. A peculiarity of the museum collections, the one that they represent the widest scope of the Armenian culture, is emphasized. Many of the exhibited items, such as carpets, clothes, jewelry and weapons, are unique and were demonstrated for the first time.

Key words: exhibition, Armenian culture, gatherers, traditional crafts, costume.

С апреля по октябрь 2015 г. в Российском этнографическом музее проходила выставка «Мир армянской традиционной культуры», посвященная арменоведческой деятельности Александра Александровича Миллера (1875–1934) – одного из основателей российского казаведения, археолога, этнографа, участника

исторической экспедиции петербургских востоковедов в Ванскую область, хранителя ЭО Русского музея Александра III.

Открытие выставки совпало с выходом в свет альбома-каталога «Культурное наследие Западной Армении. Материалы по культуре армян Ванской области в собрании Российского этно-